

НИКОЛАЙ ГОРНОВ

БРИЛЛИАНТОВЫЙ
ЗЕЛЕНЫЙ

Николай Горнов
Бриллиантовый зеленый

«Автор»

2011

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

Горнов Н. В.

Бриллиантовый зеленый / Н. В. Горнов — «Автор», 2011

ISBN 978-5-99051555-3-6

Сейчас об этом мало кто помнит, но еще каких-то 30 лет назад фантастику читали все – от пионеров до пенсионеров. И вовсе не потому, что авторы звали в технические вузы или к звездам. Читатели во все времена любили интересные истории об обычных людях в необычных обстоятельствах. Николай Горнов, омский журналист и писатель, – один из немногих, кто это помнит. И до сих пор не разделяет фантастику и литературу. Написанные за последние пять лет тексты, составившие его третью книгу, в сегодняшнем понимании трудно назвать фантастикой. Скорее это просто интересные истории, в которых мы видим жизнь во всем ее фантастическом многообразии. Он пишет о том, что с нами происходит сегодня и, вполне возможно, произойдет завтра. Если мы не попытаемся изменить свою жизнь, конечно... «Любую секретность Светозар обожает. А ко всему обыденному, не имеющему никакого смысла для специалистов по засекречиванию, относится с откровенным презрением. Вещей, предметов и явлений, не любимых и даже ненавидимых Светозаром, столь большое количество, что их бесполезно даже пытаться перечислить...»

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-99051555-3-6

© Горнов Н. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Николай Горнов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Горнов Бриллиантовый зеленый

На самом деле его зовут Сергей, но всем он представляется как Светозар. Вы его легко узнаете. Это я вам гарантирую. Всегда розовощекий, робкий, улыбающийся смущенно, он придвигается левым боком, зажимает собеседника в самый дальний угол, откуда уж совсем никак не вырваться, украдкой протягивает руку и говорит, понизив голос до заговорщицкого шепота:

– Очень приятно. Зовите меня Светозар. Я занимаюсь прикладной уфоистикой.

Самые начитанные тут же нервно переспрашивают:

– Уфологией?

– Нет-нет, – сразу начинает протестовать Светозар. – Уфология – это псевдонаука, как справедливо отмечает Комиссия по борьбе с фальсификацией научных исследований при Президиуме Российской академии наук. Я же являюсь специалистом в области уфоистики. Причем именно в части ее прикладного использования.

А после крепкого и сухого рукопожатия он обязательно оглянется, словно проверяя, не подслушивал ли кто этот разговор, имеющий, как минимум, среднюю степень секретности.

Любую секретность Светозар обожает. А ко всему обыденному, не имеющему никакого смысла для специалистов по засекречиванию, относится с откровенным презрением. Вещей, предметов и явлений, не любимых и даже ненавидимых Светозаром, столь большое количество, что их бесполезно даже пытаться перечислить. Почему-то особо сильные приступы раздражительности вызывают у него официальные источники информации. Ему совершенно не важно, в каком виде они существуют – в форме единичного пресс-релиза, вырвавшегося из темных глубин органов власти, или в виде массовой газеты, – он одинаково ненавидит их все.

Но еще более странной мне всегда казалась нелюбовь Светозара к трамваям.

– Почему мы не можем поехать на трамвае, он же пустой? – бывало, удивлялся я, когда замерзал на пустой зимней остановке в окружении неработающих примороженных фонарей.

Но Светозар в ответ только хмурился. А если снисходил до пояснений, то они всегда были предельно краткими:

– Потому что он красный. Ты что, сам не видишь?

А когда я, закипая от раздражения, все же пытался выяснить, что изменилось бы, будь трамвай, например, зеленого цвета, он вообще замолкал. Либо говорил с усмешкой: мол, зеленых трамваев не бывает в природе, поэтому такие предположения лишены всякого смысла.

И в этом с ним трудно не согласиться. Зеленых трамваев мне не доводилось видеть в нашем относительно большом городе ни разу...

Разными оттенками серой секретности Светозар тщательно раскрашивает и свою личную жизнь. На все вопросы о трудовой деятельности он либо отвечает невпопад, либо отделяется ничего не значащим набором слов типа: «Моя работа носит системный и многозадачный характер». Не любит Светозар и расспросов о личной жизни. Семейное положение всегда характеризует одной и той же фразой, отточенной до остроты бритвы: «Женат и любим!». К себе в гости никого и никогда не приглашает. Мне понадобилось несколько лет знакомства (дружба – это слишком пафосное слово), чтобы я смог узнать, где он вообще живет. А до этого все наши многочисленные встречи происходили у меня дома или на ничейной территории.

Зато сведениями о детстве Светозар делится охотно, явно гордясь своим статусом коренного петербуржца. Обычно он говорит, что родился первого октября одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года в Купчине, в спальном районе города Ленинграда, в семье вузовских преподавателей. Отец его был намного старше матери, всю жизнь отработал в Ленинградском технологическом институте, защитил там докторскую диссертацию, получил звание профес-

сора и после пятидесятилетнего юбилея возглавил кафедру. Мать при жизни отца преподавала в нескольких высших учебных заведениях Ленинграда русскую литературу второй половины XIX века, а перед пенсией, когда уже осталась одна, работала экскурсоводом.

Особо терпеливым Светозар может сообщить, что дом его детства стоит восьмым по счету на улице, названной именем венгерского революционера Бела Куна. А если он в особо приподнятом настроении, то обязательно добавит, что по материнской линии связан пуповиной с городом Алексеевка Белгородской области, где проживали в доисторические времена его дед и бабушка, а сейчас обитают какие-то троюродные племянники и племянницы по фамилии Шаповаловы.

На улице Бела Куна, по уверению Светозара, прошли все его школьные и студенческие годы. Мне он однажды признался, что в детстве и юности был нелюдим, друзьями обзаводился трудно, поэтому, мол, много читал, особенно классиков (с такой мамой не читать Чехова и Достоевского невозможно), а потом нашел себе отдушину в спорте и рок-музыке. Поступив без особых проблем на исторический факультет Ленинградского университета, заужал «Блэк Саббат», «Лед Зеппелин», «Эй-си Ди-си», «Джудаст Прист», а культовый «Дип Пепл» полюбил так, что к пятому курсу ухитрился собрать все их альбомы, отстегивая портовым спекулянтам бешеные по тем временам деньги – от пятидесяти до семидесяти рублей за один лейбл.

Как он зарабатывал деньги – история умалчивает. Видимо, помогало еще одно студенческое увлечение – фотография. К тому же он немного занимался спортом (греблей, волейболом и легкой атлетикой), но никаких достижений в этой сфере за собой не числит, поскольку в те годы почти все занимались чем-нибудь. Лично мне, рожденному не на окраине Питера, а в самом центре Среднего Урала, эти немногочисленные автобиографические экзерсисы опостытели быстро, я скачал с сайта Кремля биографию третьего президента России, ткнул Светозара носом в блеклую распечатку и очень вежливо поинтересовался: не знаком ли он, случаем, со своим земляком?

– Нет, не знаком, – со вздохом ответил Светозар, глядя мне куда-то в левое ухо.

– Ну а почему? – не отступал я. – Вроде бы вы ровесники, выросли в соседних домах, учились, видимо, в одной школе, читали тех же писателей, слушали одинаковую музыку и даже девичьи фамилии ваших матерей созвучны – Шапошникова и Шаповалова. И как же тебе ни разу не удалось встретиться с юным Димой Медведевым?

– Сам удивляюсь, – смутился Светозар. Потом дернулся, как от удара током, привычно огляделся по сторонам, приблизил потрескавшиеся от мороза губы к моему уху, понизил голос до шепота и жарко пробормотал: – Хочешь верь, хочешь нет. Как хочешь, в общем. Я сам только недавно... Тогда-то меня и торкнуло. Провел, в общем, расследование, а потом увлекся и с исторических наук полностью на уфоистику переключился. Только ты никому. Лады? Еще как бы рано. В смысле, есть некоторые пробелы в моей стройной теории. Но ты, считай, молодец – первый фишку просёк.

– Могила! – торопливо поклялся я, опасаясь, что пересказ неизвестной мне теории займет не один час, а к тому времени перестанет ходить общественный транспорт. И тогда первую половину ночи мне придется, как обычно, утихомиривать Светозара, укладывая его на раскладушку, которая с трудом помещается в кухне, а вторую половину – препираться по этому поводу с женой.

* * *

Вообще, своих теорий у Светозара всегда много. Любых. На все случаи жизни. Он фонтанирует своими теориями, скажем прямо, без остановки. Как-то, помнится, ввязался в диспут на сайте патриотов-почвенников, пропагандирующих имперский образ жизни, и буквально на моих глазах родил теорию о том, что человека по фамилии Сталин не существовало в при-

роде. Просто большевики-агрегаторы трансформировали под собственные нужды традиционные верования славянских кузнецов с целью претворения в жизнь технологического рывка и развития сталелитейной промышленности. Когда правительству кремлевских мечтателей в огромных количествах требовалась высококачественная броневая сталь для производства танков, превосходящих английские и германские образцы бронетехники, очень вовремя подвернулся подходящий вариант эпонимического мифа.

В ответ на возмущенные отклики Светозар соорудил двумя пальцами на клавиатуре моего потрепанного ноутбука гору наукообразных подробностей. Мол, богоподобных персонажей, эпонимов, которым поклонялись и приписывали разные достижения, имели не только славянские, но и другие варварские племена. Мифическим героем был и Ромул, которому приписывают основание города Рима, и Чех – прародитель чешского народа. И если проследить генезис сталинизма (культы Сталина), то окажется, что большевики ничего оригинального не придумали, а банально стырили отовсюду понемногу.

Черты античных богов (Зевса, Гефеста, Марса) в образе Сталина не увидит только тупой. В человеческих жертвоприношениях, позже названных «сталинскими репрессиями», усматривается прямая параллель с культом ацтекского бога войны Вицлипуцли, который тоже неустанно сражался с Тьмой, и ему требовались новые силы, чтобы продержаться следующий пятидесятидвухлетний цикл. Кроме того, уместна параллель и с шумерами, ведь главным храмом Сталина была ступенчатая пирамида – зиккурат, выстроенная на Красной площади и официально исполнявшая роль центра империи. А мифологическая созидательность славянского божества – Сталин строил города, фабрики, заводы, поднимал сельское хозяйство – роднит его с Прометеем, который, как известно, принес людям огонь и обучил их ремеслам...

Кончилась дискуссия тем, что у моего ноутбука рухнула система, похоронив под собой жесткий диск. Приятель, промышлявший некогда сисадминингом, клялся, что это простое совпадение, но я склоняюсь к версии трояна, заброшенного почвенниками непосредственно в мой почтовый ящик. Хорошо еще, что в историческую роль русского народа Светозар встревал редко. В основном ему хватало достижений современной астрофизики и космологии. В ранней молодости Светозар где-то прочел о значительном количестве научных открытий в этой сфере, сделанных почти случайно, и навсегда проникся идеями детерменизма, согласно которым шанс оставить свой след в истории есть у любого дилетанта.

Как минимум двадцать раз мне пришлось выслушать от Светозара нравоучительную историю про детектор GEO-600, на котором физики семь лет ловили гравитационные волны, создаваемые сверхмассивными космическими объектами, и все эти семь лет боролись со странным фоновым шумом необъяснимой природы в диапазоне от трех тысяч до полутора тысяч герц. А когда они потеряли всяческое терпение и собрались уже свой прибор зачехлить, вовремя подоспела гипотеза американца Крейга Хогана из Национальной лаборатории имени Ферми, заявившего на весь белый свет, что фоновый шум – это вовсе не паразит, мешающий прогрессу, а самый важный результат семилетнего эксперимента, прямое доказательство гипотезы голографического строения Вселенной.

Вообще-то основные положения голографического принципа были сформулированы относительно давно. К ним приложил руку знаменитый квантовый физик Дэвид Джозеф Бом, который считается соратником Эйнштейна. Именно Бом предположил, что наш мир устроен как голограмма, то есть даже самый малый пространственно-временной фрагмент содержит в себе весь порядок Вселенной. Бом уверял, что все индивидуумы взаимосвязаны не в результате непосредственного влияния, которое они могут оказывать друг на друга, а в силу того, что все они подвержены влиянию общих фундаментальных законов. Но широкую известность голографический принцип получил после публикаций работ Нобелевского лауреата по физике Герарда т'Хоофта. Голландец задумался над чем-то вроде энтропии черных дыр, а потом почему-то решил, что Вселенная на самом деле дискретна и представляет собой совокупность

пространственно-временных гранул, являясь трехмерной границей четырехмерного пространства.

Я не знаток боковых трендов астрофизики, поэтому вынужден опираться на знания, полученные от Светозара, а он считает, что здесь уместна аналогия с обычным растровым изображением. Издалека любая растровая картинка выглядит сплошной, а вблизи рассыпается на мелкие точки. И этот господин Хоган прославился именно тем, что подсчитал размеры растровых точек, из которых состоит, по его мнению, пространство-время. А потом выдвинул предположение, что фоновый шум, который все время фиксировался детекторами GEO-600, является на самом деле флуктуациями на границах этих квантов пространства-времени.

Легко представить, как мне надоели все эти гранулы и кванты, если я даже с теорией Большого Взрыва не до конца разобрался, но остановить Светозара не менее трудно, чем десятилитровый дорожный каток, летящий под горку. Когда он рассказывает свои поучительные истории, в глазах у него светится такая неприкрытая гордость за науку, словно он сам сидел все семь лет возле детектора GEO-600, а дорогостоящий прибор приобрел на последние сбережения и поставил на своем дачном участке, где любой здравомыслящий человек стал бы выращивать картошку или помидоры.

Долго вдохновляла Светозара и гипотеза об инфляционной вселенной. Говоря шершавым языком плаката, видимая нами Вселенная, согласно этой гипотезе, вовсе не бесконечна, а является лишь одним из множества других миров, существующих в каком-то гораздо большем по размеру и многомерном Нечто. Представить себе это Нечто, наполненное некоей густой «пенной», где буквально каждый пузырек – это чья-то уникальная вселенная, мне всегда было трудно, но Светозару идея жизни в «пузырьке» нравилась одно время безумно. Он часто и подолгу всматривался в звездное небо, рассуждал о том, какой микроскопической, жалкой и нелепой выглядит человеческая жизнь с точки зрения Природы, и строил планы, как однажды придумает нечто такое, от чего весь ученый мир захлопает в ладоши или замрет от удивления.

Как-то Светозар даже примчался ко мне ранним утром, хрипло дыша, словно за ним гналась вражеская конница, чтобы с порога заявить о своем очередном гениальном прозрении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.